

Функциональная прагматика фактоида в фейковом медийном дискурсе

Н. А. Пелевина

Армавирский государственный педагогический университет, Армавир, Россия
npelevina14@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – описание функционально-прагматической специфики фактоида как средства аттракции и формирования псевдореального пространства оценки в медиадискурсе при производстве фейка. В рамках диалектико-реляционного анализа определяются приемы формирования моноинтерпретации, создающей у реципиента впечатления истинности и верифицируемости фикциональной оценки. Интенциональные и саккадические элементы в делимитации фактоида и фейка демонстрируют максимизацию псевдореальных локутемы, хронемы, коммуникемы при генерации актуального фейка, распредмечивание и деконструкция которого возможны на эмпирических основаниях, что создает особые проблемы современной лингвобезопасности. Базовые приемы фактоидной представленности фейка включают аллюзии к фактам с изменением вектора оценки, реминисценции и имитацию официального языка, «коммуникативную фиксацию», хеджирование.

Ключевые слова: фейковый дискурс, медиадискурс, фактоид, субъективная детерминация, факткетчинг, псевдореальность, делиберация

Для цитирования: Пелевина Н. А. Функциональная прагматика фактоида в фейковом медийном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 83–90.

Original article

Functional Pragmatics of Factoid Within Fake Media Discourse

Nataliia A. Pelevina

Armavir State Pedagogic University, Armavir, Russia
npelevina14@gmail.com

Abstract. The study aims to describe functional and pragmatic peculiarities of a factoid as a mean of attraction and formation of a pseudo-real space for assessing in media discourse during the production of fake. Within the framework of dialectical-relational analysis, techniques for initiating mono-interpretation are determined, which create an impression of truth and verifiability of a fictional evaluation. Intentional and saccadic elements in delimiting a factoid and a fake reveal the maximization of pseudo-real locutema, chronema, communicema for generating an actual fake, the de-objectification and deconstruction of which are possible on empirical grounds, which creates special problems of modern linguistic security. Basic techniques of factoid presentation of fake content include allusions to facts with a change in the evaluation vector, reminiscences and imitation of official language, “communicative fixation”, and hedging.

Keywords: fake discourse, media discourse, factoid, subjective determination, factcatching, pseudoreality, deliberation

For citation: Pelevina, N. A. (2025). Functional pragmatics of factoid within fake media discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 83–90. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современное медиaprостранство характеризуется максимизацией акторов создания различного контента и интенсификацией имажинативных и фикциональных компонентов оценивания инфоповодов. Объясняется данный факт не только деперсонализацией и глубокой медиатизацией контента, но и размытием ценностно-семиотической системы рефлексивной верификации элементов информационного потока. Модификация эстимативных и эвалюативных шкал определения коллективной значимости продуцируемого сообщения основывается в современной социальной реальности скорее на критериях коммуникативной истинности, т. е. самой возможности построения адекватного потребностной сфере масс высказывания, а не на принципе истины как необходимой эмпирической верификации декларативных конструкций. На основе роста значимости делиберативных моделей оценки события ввиду общедоступности контентоформирования некоторые «либеральные» медиаплатформы в угоду привлечения как можно большего количества пользователей и увеличения собственной популярности допускают распространение непроверенной информации, которая, однако, своим броским и провокативным содержанием фокусирует внимание именно на фикциональных моментах. Таким образом, осуществляется расширение дерогативного пространства оценки социальной реальности, укоренение антиценностных доминант, модификация концептуально-валёрной системы общества [Бредихин, Каменский, Шибкова, 2024]. Именно поэтому исследование механизмов трансляции псевдореализма, которое способствует снижению критического восприятия реципиентов и усиливает трансляционные возможности фейка, представляется в современных условиях информационных войн одной из наиболее значимых проблем лингвобезопасности и лингвоэкологии.

В то же время размытие смыслов и жестких паттернов оценки в провокативных фейковых нарративах способствует усилению значимости демонстративных элементов в «живых» коммуникативных практиках и фобического отношения к реальности [Карасик, Слышкин, 2023]. Иррациональные компоненты как в генерации, так и в интерпретации инфоповодов выходят на доминирующие позиции по причине более широких областей суггестии по сравнению с эмпирически верифицируемыми сообщениями. Патерналистские формы аттракции в медийном дискурсе основаны на априорном понимании объективной иррациональности основной массы реципирующего, некритически настроенного таргетного

сообщества, а субъективная иррациональность в своей дуальности (кажущейся обоснованности оценки в конкретных дискурсивных условиях) ведет к еще большему усилению коллективной значимости неаргументированных элементов псевдореальности, искажению и не просто ограниченному, но искусственно сформированному¹ «туннельному» восприятию описываемой действительности, – реальности фейка.

Актуальность исследования обусловлена высоким интересом ученых-лингвистов к проблемам изучения стратегий идеологического влияния в различных типах дискурса [Guseynova, Gorozhanov, 2024; Гусейнова, Горожанов, 2023а; Гусейнова, Горожанов, 2023б]. Интерес вызывает также деятельностный подход к повышению манипулятивного эффекта фейкового контента в различных дискурсивных практиках и анализ структуры фейка с опорой на фреймовый анализ ключевых компонентов [Романов, Абросимова-Романова, 2024]. Проблемы распредмечивания и деструкции имажинативных компонентов фейка также привлекают внимание современных ученых, анализу подвергаются механизмы фикционального семиозиса на лингвистических основаниях [Кошкарлова, Бойко, 2020].

Новизна работы состоит в том, что впервые производится различие фейка и фактоида на основании иллокутивного и функционального критериев контент-генерации, что позволяет объяснить некоторые до настоящего времени не исследованные основания интерпретации квазиреальной фикции в качестве правдоподобной. Введение в сферу анализа медиаконтента компонента глубокой медиатизации и рассмотрение процесса мимесиса дает основание для рефлексивной верификации фикциональных элементов инфоповода, а также позволяет создать достоверный базис для распредмечивания и деконструкции фейка.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В процессе анализа функциональной прагматики такого интенционально привлекаемого к формированию псевдореального хронотопа механизма, как фактоидные формы аттракции и фатики, ключевым становится делимитация фейка как такового и аспекуализированного и квазиаргументированного фактоида. Данное разграничение и соподчинение фактоида происходит посредством диалектико-реляционного анализа средств интенсификации рефлексивной верификации и выявления инструментальных иллокуций как

¹Иррациональность // Большая советская энциклопедия: в 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 10. Ива-Италики.

основы вербализации фикционального инфоповода [Fairclough, 2003]. Именно семиотическое измерение социальной реальности, переход в плоскость значимостной стратификации фактов агентами глубокой медиатизации позволяют «конверсационализировать публичный дискурс» (conversationalisation of public discourse), сводя верификацию инфоповода к поверхностному аффективному восприятию и позволяя массовому реципиенту основываться в интерпретации лишь на топикально детерминированном текстовом пространстве и «порядке дискурса», которое большинством современных исследователей трактуется как особая область дискурсивизации социальной реальности [Wodak, Meyer, 2009], т. е., по сути, уравнивает дискурсивную и социальную реальность в сходстве М. Фуко [Foucault, 1996].

В качестве эмпирического материала для анализа иллюкативных целей аттракции и удержания интереса читателей к фейковому контенту нами были избраны инициальные посты и поддерживающие комментарии к ним, опубликованные на официальном портале британского ежедневника «The times», общим объемом более 50 микроконтекстов, содержащих фактоидный элемент в сильной позиции текста сообщения. Главным критерием отбора для формирования стратифицированной выборки явилась топикальная детерминация и наличие провокативного нарратива псевдореальности, основанного на рекурсии целецентрической фикционализации «желаемого».

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

В настоящее время традиционные новостные и аналитические издания трансформируются в цифровую плоскость. При этом «качественная» пресса не опасается представлять в качестве провокативного контента должным образом не проверенную информацию, что вкупе со значимостью подобных СМИ в иерархии медиaprостранства, презентацией их «доброго имени» способно породить специфические псевдореальные области оценивания инфоповодов. Эта псевдореальная истинность и квазиаргументированная верифицируемость является одним из условий трансляции фейка как воспринимаемого широкими массами вполне оправданного способа модификации концептуально-валёрной системы в угоду удовлетворения потребности поиска корреляций в реальном и волюнтаристическом пространстве информирования.

Ключевыми механизмами обеспечения коллективной значимости фикциональных элементов становятся меметизация и глубокая медиатизация. Меметизация представляет собой снятие эмпирических

ограничений интерпретации инфофакта, т. е. инфофакт вводится в область гипертекстового существования как объективный феномен, происходит гипостазирование сущности, придание онтологического статуса рефлексивной, виртуальной посылке [Tyler, 2011]. Осуществляется этот перенос из информационного в псевдореальное пространство с помощью отсылки к мнимому прецеденту (мемологеме), которая в синестетическом представлении – переходе от визуальной, ситуативной или аудиальной формы к вербально-семиотической – «обрастает» дополнительными элементами аспекуализации, чаще всего лишь мнимыми и актуализирующими аффективный вектор оценивания инфоповода. Меметизация с данной точки зрения представляет собой специфическую форму образно-эмотивной метафоризации, способной связать реальное и виртуальное пространства в преломлении концептуализированных и легитимизированных образов в субъективно-интерпретативной иерархии значимостей. Медийный контент, наиболее выпукло и детализированно представляемый в вербалике, создает область конвергенции с визуальным контентом, который априори рассматривается рецепирующим субъектом в качестве реального, поскольку не только актуальным внутренним значимостям (по А. Шюцу), но и разделяемым культурным рамкам текстопорождения. Первичным в данном случае распознается и импринтизируется визуальный код как реальная точка отсчета в эмотивной интерпретации развернутого фикционального вербального описания [Марченко, Бредихин, 2023].

Другим знаковым процессом, позволяющим создавать пространство некритического оценивания и псевдоэмпирической верификации на основе обращения только к гипертекстовым пространствам, является глубокая медиатизация, маркирующаяся переходом верификационных оснований из области объективной реальности в пространство медиаинтерпретации, т. е. контент-верификации со смещением фокусировки с ивент-оснований на инфо-основания [Couldry, Hepp, 2018]. Выраженная в рамках глубоко медиатизированного контента ингерентная идея аттракции («захвата» внимания аудитории любыми доступными способами) как провокативная мобилизация рецепирующих субъектов осуществляется путем целенаправленного использования фикциональных репрезентантов псевдореальности [Бредихин, Авдеев, Шишкин, 2024].

Таким образом, именно синергия намеренной трансляции непроверенного, но разделенного, отвечающего актуальным стереотипам генерализованного содержания, и интенциональное применение декларативных делиберативных

форм интенсификации аффективного вектора интерпретации позволяют создать правдоподобный фейк. Основой такого фейкового сообщения, как демонстрируют большинство проанализированных нами микроконтекстов, служит именно фактоидная презентация виртуального инфоповода.

Термин «фейковая новость» (*англ.* *fake news*) для обозначения заведомо ложной информации, намеренно создаваемой как аффективно и аргументативно релевантный инфоповод, расширяющий пространство «желаемой» интерпретации актора медиадискурса, стал широко применяться относительно недавно. Фейк в современном мире при «технологизации дискурса» и канальном расширении способов кодирования принимает различные форматы, в том числе и поликодовые. Например, широко известны и доступны техники дипфейка, создаваемого при помощи искусственного интеллекта. «Технологизация» дискурсивных практик не является банальным переходом коммуникативной реальности в виртуальную сферу, но представляется инструментально-утилитарным отношением к моделям дискурса в их обеспечении идеологических, институциональных основ социальной реальности [Маркузе, 2003].

В фейковом пространстве дискурсивизации фикционального псевдореального инфоповода последовательная институционализация и легитимизация векторов аффективной интерпретации осуществляется в процессе привязки к социальной регуляции зависимостей, имеющих рекуррентный, циркулярный характер (*circuits*), а потому коллективная легитимизация и институциональная конвенционализация каждого фактоида (если таковой экстраполируется на объективную реальность) закономерно включают первичную презентацию, детализацию и конкретизацию топика и локуса, структуризацию, имплементацию и развитие [Плотникова, 2011].

Что касается понятия «фактоид», то оно было введено американским журналистом и писателем Норманом Мейлером почти полвека назад для обозначения имитации правдоподобной информации. Фактоидом он называл фиктивный факт, не подлежащий эмпирической верификации, но создаваемый лишь в пространстве медийного гипертекста и направленный на привлечение внимания к какому-либо событию или человеку, увеличению рейтингов массмедиа [Mailer, 1973]. Это своего рода сплетни, непроверенные сведения, интенционально имплементируемые в нарративное пространство для формирования иллюзии реальности описания. В отличие от фейка (пространства как интенционально, так и саккадически формирующихся генерализованных областей

несоответствия истинному положению дел), характеризующегося ингерентной иллюзией к введению в заблуждение, детально продуманный базис генерации фактоида, хотя и модифицирует социальную реальность, преследует лишь цель инициальной аттракции и удержания читательского внимания, не подменяя интерпретационные основания рецепирующего субъекта. Дифференцировать данные понятия можно в рамках делимитации базовых иллюзий, но и на юридической основе, т. е. в зависимости от того, попадают ли действия по распространению ложной информации под уголовную ответственность или нет.

Перейдем к рассмотрению некоторых микроконтекстов, репрезентирующих фактоидную форму инициации фейкового сообщения, направленного на изменение концептуально-валерной системы целевого заинтересованного адресата, потенциально склонного к интимизации транслируемого контента. При этом внедрение в пространство истинного эмпирически верифицируемого факта особого вида «сплетни» существенно повышает область гипостазирования при интерпретации генерализованного содержания. Происходит это в рамках наиболее привычной для некомпетентного реципиента операции аналогии, – если максимально семантически нагруженная финальная часть высказывания представляет собой проверенный и никем не оспариваемый факт, то предваряющая его посылка, выраженная в безапелляционной номинативной форме, также является фактом.

Так в одной из недавних публикаций «The Times» подкрепляется фейковый нарратив о «похищенных» с территории Украины детях:

Russia 'sending kidnapped Ukrainian children to front line'

President Zelensky's *chief of staff* has told *The Times* that *potentially* thousands of abductees *have been forced into subscription* once they reach 18 years old¹

Интенсификация псевдореального локуса осуществляется посредством использования в сильной позиции текста (заголовке и подзаголовочном комплексе) кратонимов *Russia*, *Ukraine*, а также именованная официальных должностей *chief of staff*. Локутные ситуативные спецификаторы высказывания в данном случае органично связываются с темпоральным пространством вооруженного

¹Russia 'sending kidnapped Ukrainian children to front line' // The Times. (Jul 24, 2025). URL: <https://www.thetimes.com/world/russia-ukraine-war/article/russia-sending-kidnapped-ukrainian-children-to-front-line-0jz8b2zc> (дата обращения: 30.07.2025).

конфликта между странами, что дополнительно подкрепляет хронему.

Страдательный залог с активным предложением *have been forced into* формирует псевдореальную хронему уже свершившегося «факта», в котором реальные законы Российской Федерации о постановке на воинский учет граждан претерпевают модификацию и оцениваются в уже иррациональном пространстве инфофейка, который был задан в качестве тезиса в заголовке. При этом сама форма экспликации события как случившегося хеджируется несколькими «оговорками» *once they reach 18, potentially*, – один из которых представляет собой функциональные ограничения фейкового пространства, а другой – прямой хедж, снижающий эпистемическую ответственность продуцента фикционального контента.

Следует указать, что в данном случае локутема и хронема генерализованного содержания не формируют концептемы и коммуникемы высказывания, которая имплицитно всей фейковой новостью, продолжая провокативный нарратив западных СМИ – *kidnapped Ukrainian children*. Подмена адекватного вектора эмпирической верификации псевдоистинного сообщения о «похищении» детей находит свою трансляцию в сфабрикованных «списках похищенных», которые представляются общественности даже в официальном дипломатическом формате. Кроме того, значимым для легитимизации фейка в сообществе заинтересованных реципиентов становится «эффект коммуникативной фиксации», т. е. перманентная трансляция ингерентной идеи без развития и адаптации к дискурсивной ситуации.

Так фактоид о «похищенных украинских детях», сформированный ранее в медийном пространстве, становится иницирующей основой для генерации всё новых и новых фейков, зачастую не коррелирующих с исходной концептуализируемой фикциональной идеей, но рассматривающихся в едином пространстве намеренной дискредитации и расширения дерогативной области «очернения» образа России. «Спасение» в псевдоделиберации заинтересованного в дискредитации сообщества может быть интерпретировано как «похищение», что меняет исходные фактологические основания с позитивных на волеизъявительные фактоидно-информационные негативные. Фейковая наррация, транслирующая область «желательного» восприятия, игнорирует одну из наиболее значимых операций новостного дискурсопорождения, а именно – фактчекинг, заменяя его «факткетчингом», при этом социальная реальность становится менее значимой, чем рефлексивно-интерпретативная, а аффективная оперативная

топикализация становится основой управления общественным сознанием [Тамерьян, Шаипова, 2024].

Следующий микроконтекст заголовочного комплекса, вводящий фейковый вирусный контент о работе Ирана над ядерной программой вооружений, модифицирует топик, т. е. коммуникему «ядерная программа Ирана» с позитивных и эмпирически верифицируемых позиций, включающих концептему «мирный атом», на негативный вектор интерпретации.

Israel says Iran was building warheads capable of hitting London

A 'James Bond' operation that hit nuclear bunkers also wiped out a programme to make *Tehran 'the No 1 ballistic missile producer'*, a *foreign ministry spokesman says*¹

В приведенном примере обнаруживаются сходные с предшествующим микроконтекстом механизмы легитимизации фикционального фейкового семиозиса. Локальное и формальное пространство ситуативной привязки маркируется кратонимами *Israel* и метонимически (*pars pro toto*) употребляемым астионимом *Tehran*. При этом использование астионима *London* в прямом значении способствует формированию дополнительного плана реально-ирреальной конвергенции, что существенно повышает дезориентацию реципирующего субъекта.

Смешение интерпретативных областей рационального и иррационального достигается также имплементацией прецедентного фикционального имени *'James Bond' operation* при описании презентационного декларативного высказывания некоего «авторитетного» неназванного источника *foreign ministry spokesman*. Упоминание официальных кругов в деперсонализированной форме (далее по тексту сообщения интервьюируемый не называется), с одной стороны, повышает уровень доверия к транслируемой информации, а с другой – может расцениваться в качестве двухуровневого хеджа. Двухуровневость снятия эпистемической ответственности достигается отсылкой к информатору (снижает ответственность за сказанное с автора статьи), а также деперсонализированной формой (не дает возможности идентифицировать информатора).

На основе прецизного анализа исходных сообщений медиадискурса, имеющих ингерентную

¹Israel says Iran was building warheads capable of hitting London // The Times. (Aug 19, 2025). URL: <https://www.thetimes.com/world/middle-east/israel-iran/article/strikes-ballistic-missile-programme-vjwpr80s> (дата обращения: 22.08.2025).

иллюкцию трансляции фейкового контента, можно судить о первичной аттрактивно-фатической функции фактоида в мимесическом уподоблении его факту социальной реальности. Данное уподобление производится посредством актуализации периферийных иррациональных аллюзий субъективной интерпретации факта и в рамках трансформаций концептуально-валёрных систем потенциально разделяющих вектор оценки события реципиентов. При этом наблюдается обратная корреляция степени мимесичности (схожести с реальной действительностью / абсурдностью и иррациональностью инфоосновы фактоида) и закреплённости и релевантности критериальных признаков в конкретной ситуации дискурсопорождения [Бредихин, 2014].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функционально-прагматическая специфика фактоида в общем фейковом нарративе состоит именно в иллюкции модификации рефлексивного пространства массового адресата для первичного привлечения внимания (аттракции) и поддержания интереса (фатике) к фикциональному инфоповоду, в то время как интенциональное пространство фейка в целом характеризуется необходимостью трансформации социальной реальности. Ключевыми механизмами имплементации фактоида, рассматриваемого как легитимизированное в массах заинтересованных реципиентов псевдореальное событие, заведомо не верифицируемое эмпирически, являются: 1) аллюзии к реальным фактам действительности с изменением вектора оценивания, 2) использование официальных наименований и клишированных фраз для создания

сфер псевдологического рефлексивного распределения, 3) метод «коммуникативной фиксации» ингерентного имажинативного компонента, 4) перманентное хеджирование фактоида для увеличения уровня доверия и снятия эпистемической ответственности.

Именно с вариативной аллюзивной, чаще всего нерациональной связью фактоидных форм в фейковом пространстве связаны сложности в распределении и нивелировке заведомо ложных нарративов. Наиболее эффективным дискурсивным механизмом противодействия такому псевдореальному, основанному на субъектно-формальной корреляции в индивидуальном поле искаженного мировидения, является рефлексивная и эмпирическая деконструкция, т. е. последовательное дефинитивное описание, подкрепляемое как рефлексивной верификацией, выстраиваемой на основе создания сложных умозаключений из верных посылок, так и эмпирической, формируемой на базе поликодовой интенсификации факта в противовес фейку.

В качестве перспектив применения предложенной методики делимитации фактоидных компонентов к деконструкции фейкового контента можно назвать создание перечня актуальных топикальных компонентов, транслируемых западными СМИ, и являющихся точками бифуркации распознавания возможной фикции. Кроме того, определение фактоидных форм в других типах дискурса (политическом, рекламном, мотивационном и т. п.) позволит существенно повысить резистентность коллективного сознания к влиянию на ценностно-ориентационную, потребностную систему лингвокультурных сообществ, а также снизить потенциал имажинативных моделей в изменении социальной реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бредихин С. Н., Каменский М. В., Шибкова О. С. Новые медиа в процессе модификации концептуально-валерного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 107–111.
2. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Медийный дискурс как стимулятор истероидного и фобического поведения // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023. № 73. С. 1–22.
3. Guseynova I. A., Gorozhanov A. I. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 84–95. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
4. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023а. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.6.
5. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023б. Т. 16. № 6. С. 911–920.

6. Романов А. А., Абросимова-Романова Л. А. Манипулятивное конструирование фейковых дискурсивных практик-подделок // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2024. Т. 20. № 4 (66). С. 53–63.
7. Кошкарлова Н. Н., Бойко Е. С. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации // *Политическая лингвистика*. 2020. № 2 (80). С. 77–82.
8. Fairclough N. *Textual Analysis for Social Research*. NY: Routledge, 2003.
9. Wodak R., Meyer M. *Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology* // *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2009. P. 1–33.
10. Foucault M. *Strategies of Power* // *The Fontana Postmodernism Reader*. Glasgow: Fontana Press, 1996. P. 24–39.
11. Tyler T. *Memetics: Memes and the Science of Cultural Evolution*. North Charleston: CreateSpace, 2011.
12. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. № 2. С. 70–85.
13. Couldry N., Hepp A. The continuing lure of the mediated centre in times of deep mediatization: Media Events and its enduring legacy // *Media, Culture & Society*. 2018. No. 40 (1). P. 114–117. DOI: 10.1177/0163443717726009.
14. Бредихин С. Н., Авдеев Е. А., Шишкин Б. А. Коммуникативные тактики конфликтогенеза в сетевом медиапространстве фронтальных регионов. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6. № 4. С. 374–399. DOI: 10.46539/gmd.v6i4.526.
15. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: Аст, 2003.
16. Плотнокова С. Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи // *Технологизация дискурса в современном обществе*. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2011. С. 6–43.
17. Mailer N. K. *Marilyn: A Biography*. New York: Grosset & Dunlap, 1973.
18. Тамерьян Т. Ю., Шаипова А. М. Политический нарратив: концепции, типологии и структуры // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2024. № 1. С. 16–35. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-1-16-35.
19. Бредихин С. Н. Элементы смысла и когниция на пути к значению // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2014. № 1 (40). С. 182–186.

REFERENCES

1. Bredikhin, S. N., Kamensky, M. V., Shibkova, O. S. (2024). New media in the process of conceptual value space modification. *Proceedings of Voronezh state university. Series: Philology. Journalism*, 2, 107–111. (In Russ.)
2. Karasik, V. I., Slyskin, G. G. (2023). Media discourse as a stimulator of hysteroid and phobic behavior. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 73, 1–22. (In Russ.)
3. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2024, 23(4), 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
4. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(3), 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. (In Russ.)
5. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(6), 911–920. (In Russ.)
6. Romanov, A. A., Abrosimova-Romanova, L. A. (2024). Manipulative Construction of the Fake Discursive False Practices. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 20, 4(66), 53–63. (In Russ.)
7. Koshkarova, N. N., Boiko, E. S. (2020). Fake, I Know You: Linguistic Tools to Distinguish Mendacious Information. *Political Linguistics*, 2020, 2(80), 77–82. (In Russ.)
8. Fairclough, N. (2003). *Textual Analysis for Social Research*. New York: Routledge.
9. Wodak, R., Meyer, M. (2009). *Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology*. In *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 1–33). London: Sage.
10. Foucault, M. (1996). *Strategies of Power*. In *The Fontana Postmodernism Reader* (pp. 24–39). Glasgow: Fontana Press.
11. Tyler, T. (2011). *Memetics: Memes and the Science of Cultural Evolution*. North Charleston: CreateSpace.
12. Marchenko, T. V., Bredikhin, S. N. (2023). System Modifications of the Initial Content of Media Polycode Representatives in Complex Precedent Phenomena. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2, 70–85. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-70-85 (In Russ.).
13. Couldry, N., Hepp, A. (2018). The continuing lure of the mediated centre in times of deep mediatization: Media Events and its enduring legacy. *Media, Culture & Society*, 40 (1), 114–117. DOI: 10.1177/0163443717726009.

14. Bredihin, S. N., Avdeev, E. A., Shishkin, B. A. (2024) Communication Tactics of Conflict Genesis in the Network Media Space of Frontier Regions. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(4), 374–399. DOI: 10.46539/gmd.v6i4.526 (In Russ.)
15. Marcuse, H. (2003). *Eros and Civilization. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Moscow: Ast. (In Russ.)
16. Plotnikova, S. N. (2011). Diskursivnye tekhnologii i diskursivnoe oruzhie kak realii sovremennoy informatsionnoy epokhi = Discursive Technologies and Discursive Weapons as Realities of the Modern Information Age. In *Tekhnologizatsiya diskursa v sovremennom obshchestve* (pp. 6–43). Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. (In Russ.)
17. Mailer, N. K. (1973). *Marilyn: A Biography*. New York: Grosset & Dunlap.
18. Tameryan, T. Yu., Shaipova, A. M. (2024). Political narrative: concepts, typologies and structures. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 16–35. DOI: 10.29025/2079 6021-2024-1-16-35 (In Russ.).
19. Bredikhin, S. N. (2014). Sense constituent and cognition: on the way toward meaning. *Newsletter of North-Caucasus federal university*, 1(40), 182–186. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пелевина Наталия Александровна

старший преподаватель

кафедры иностранных языков

Армавирского государственного педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pelevina Nataliia Aleksandrovna

Senior lecturer

Department of Foreign Languages

Armavir State Pedagogic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication